Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Синдикализм и анархизм (Umanità Nova)
6 апреля 1922.

Umanità Nova, год 3-й, №82

ru.anarchistlibraries.net

Синдикализм и анархизм (Umanità Nova)

Эррико Малатеста

6 апреля 1922.

Приглашённый, почти вынужденный любезными настояниями выступить на заключительном заседании недавнего конгресса Итальянского синдикального союза, я сказал вещи, которые возмутили «чистых синдикалистов», не понравились некоторым товарищам – возможно, потому что были сочтены неуместными, – и, что хуже, вызвали более или менее заинтересованные аплодисменты других, посторонних Синдикальному союзу, которые очень далеки от моих идей и моих намерений.

И всё же я лишь повторил мнения, которые высказывал тысячу раз и которые, как мне кажется, составляют неотъемлемую часть анархической программы!

Полезно будет вернуться к этому ещё раз.

Не следует смешивать «синдикализм», который хочет быть доктриной и методом решения социального вопроса, с созданием, существованием и деятельностью рабочих профсоюзов.

Рабочие профсоюзы (лиги сопротивления и другие проявления рабочего движения) несомненно полезны: они даже являются необходимой фазой подъема пролетариата. Они стремятся дать трудящимся сознание их истинного положения эксплуатируемых и рабов, развивают в них желание изменить своё состояние, приучают их к солидарности и к борьбе и, благодаря практике борьбы, дают им понять, что хозяева – враги, а правительство – защитник хозяев. Улучшения, которых можно добиться путём рабочей борьбы, – конечно, малая вещь: они оставляют в силе принцип эксплуатации и угнетения одного класса другим и всегда находятся под угрозой быть сведёнными на нет или вовсе уничтоженными игрой преобладающих экономических сил; но даже ненадежные и иллюзорные, эти улучшения служат также тому, чтобы помешать массе приспособиться и отупеть в неизменной нищете, которая отнимает даже понятие и желание лучшей жизни. А революция, какой мы её хотим, совершаемая массами и развивающаяся действием масс, без навязывания открытых или замаскированных[1] диктатур, вряд ли могла бы произойти и укрепиться без предшествующего существования широкого движения масс.

Впрочем, что бы о нём ни думали, профсоюзное движение – это факт, который навязывает себя и не нуждается в нашем признании, чтобы существовать. Оно есть естественный плод, в нынешних социальных условиях, зарождающегося бунта угнетённых; и было бы нелепо, а также вредно, требовать, чтобы трудящиеся отказались от попыток добиться немедленных улучшений, пусть даже малых, в ожидании полного освобождения, которое должно стать результатом полного социального преобразования, совершённого путём революции.

[1] Larvate, буквально «личиночных».

Поэтому мы, как анархисты, прежде всего озабоченные осуществлением нашего идеала, отнюдь не должны устраняться от рабочего движения, а должны принимать в нём активное участие и стараться, чтобы оно, приспосабливаясь к текущим потребностям повседневной мелкой борьбы, развивалось наименее противоречащим нашим стремлениям образом и становилось всё более действенным средством морального подъёма и революции.

Но всё это не есть «синдикализм», который хочет быть доктриной и практикой самим по себе и утверждает, что рабочая организация, созданная для сопротивления и текущей борьбы за ныне достижимые улучшения, естественно, с её ростом и расширением, приведёт к полному преобразованию социальных институтов и будет условием и гарантией эгалитарного и либертарного общества.

Вполне объяснима склонность каждого человека придавать наибольшее значение работе, которую он делает, роду деятельности, которым он занимается, – и если есть такие, кто, занимаясь антиалкоголизмом, неомальтузианством, реформой питания, международным языком и так далее и тому подобное, в конце концов увидел в своей крошечной, фрагментарной пропаганде панацею от всех социальных зол, то поистине нечего удивляться, что те, кто отдал весь свой энтузиазм, всю свою деятельность столь важному и обширному движению, как рабочее движение, часто кончают тем, что делают из него панацею, универсальное и достаточное средство.

И действительно, были, особенно во Франции, анархисты, которые, войдя в рабочее движение с лучшими намерениями, чтобы принести наше слово и наши методы в массы, были затем поглощены и перекованы, подняли клич «*синдикализм достаточен сам по себе…*» и вскоре перестали быть анархистами. Не говоря о тех, кто сознательно предал, они перестали быть и синдикалистами и под

предлогом *Священного Союза*[2] поставили себя на службу правительству и хозяевам.

Но если синдикалистский [патриотический] угар объясним и простителен, это лишь ещё одна причина быть настороже и не принимать за единственное и верное средство революции форму борьбы, которая имеет в себе большой революционный потенциал, но может также, если её предоставить её собственным естественным тенденциям, стать инструментом сохранения привилегий и приспособления более продвинутых людей из масс к нынешним общественным учреждениям.

***

Рабочее движение, несмотря на все свои заслуги и весь свой потенциал, не может само по себе быть революционным движением в смысле отрицания юридических и моральных основ нынешнего общества.

Оно может – каждая новая организация может – в духе основателей и в букве уставов иметь самые высокие стремления и самые радикальные намерения, но если она хочет выполнять собственную функцию рабочего профсоюза, то есть текущую защиту интересов своих членов, она должна фактически признать учреждения, которые отрицала в теории, приспособиться к обстоятельствам и пытаться добиться, раз за разом, наибольшего возможного, ведя переговоры и идя на компромиссы с хозяевами и с правительством.

Одним словом, рабочий профсоюз по своей природе реформистский, а не революционный. Революционность должна быть внесена в него, развита и поддерживаема

[2] Имеется ввиду политика национального единства и классового примирения в начале Первой Мировой Войны во Франции. В России чаще это называют «социал-шовинизмом».

были бы рады, если бы *все* рабочие, все люди были анархистами, что является предельным идеалом, к которому стремится каждый пропагандист; но тогда анархия была бы фактом, и для этих дискуссий больше не было бы места.

В нынешнем состоянии вещей мы хотели бы, чтобы рабочее движение, открытое для всех идеалистических пропаганд и принимающее участие во всех фактах общественной жизни – экономических, политических и моральных, – жило и развивалось свободным от всякого господства партии, как нашей, так и других.

Для нас не имеет большого значения, хотят ли трудящиеся большего или меньшего: важно то, чтобы то, чего они хотят, они старались завоевать сами, своими силами, своим *прямым действием* против капиталистов и правительства.

Маленькое улучшение, вырванное собственной силой, стоит больше – по своим моральным последствиям и, в конечном счёте, также по своим материальным последствиям – чем большая реформа, дарованная правительством или капиталистами ради коварных целей или даже просто из чистого доброжелательства.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

по хозяевам, против которых они должны бороться, или по торговле, с которой они связаны. К чему послужат эти объединения, когда, с упразднением хозяев и коренной ломкой торговых отношений, большая часть нынешних ремёсел и отраслей должна будет исчезнуть – одни окончательно, потому что бесполезны и вредны, другие временно, потому что полезны для будущего, – не будут иметь смысла и возможности жизни в мучительный период общественного кризиса? К чему послужат, чтобы привести один пример из тысячи, организации каррарских мраморщиков, когда этим мраморщикам придётся идти возделывать землю и увеличивать продовольственные продукты, оставив будущему строительство мраморных памятников и дворцов?

Конечно, рабочие организации, особенно в их кооперативной форме (которая, впрочем, в капиталистическом строе стремится подкосить рабочее сопротивление), могут служить развитию в трудящихся технических и административных способностей, но во время революции и для социальной реорганизации они должны исчезнуть и слиться в новых народных объединениях, которых потребуют обстоятельства. И задача революционеров – стараться препятствовать развитию в них того коллективно-эгоистического духа, который сделал бы их препятствием для удовлетворения новых социальных потребностей.

Итак, по моему мнению, рабочее движение есть средство, которое нужно использовать сегодня для подъёма и воспитания масс, а завтра – для неизбежного революционного столкновения. Но это средство имеет свои изъяны и свои опасности. И мы, анархисты, должны стараться нейтрализовать изъяны, предотвращать опасности и использовать движение как можно больше для наших целей.

Это не значит, что мы хотели бы, как было сказано, подчинить рабочее движение нашей партии. Конечно, мы

постоянной работой революционеров, действующих вне и внутри его, но она не может быть естественным и нормальным проявлением его функции. Напротив, текущие и непосредственные интересы объединённых рабочих, которые профсоюз призван защищать, очень часто находятся в противоречии с идеальными и обращёнными в будущее стремлениями; и профсоюз может совершать революционную работу, только если он проникнут духом самопожертвования и в той мере, в какой идеал ставится выше интереса, то есть только если и в той мере, в какой он перестаёт быть экономическим профсоюзом и становится политической и идеалистической группой, что невозможно в крупных организациях, которые для действия нуждаются в согласии массы, всегда более или менее эгоистичной, боязливой и отсталой.

И это ещё не худшее.

Капиталистическое общество устроено так, что, вообще говоря, интересы каждого класса, каждой категории, каждого индивида находятся в антагонизме с интересами всех других классов, всех других категорий, всех других индивидов. И в практике жизни случаются самые странные переплетения гармоний и противоречий интересов между классами и между индивидами, которые с точки зрения социальной справедливости должны были бы быть всегда друзьями или всегда врагами. И часто случается, что, несмотря на провозглашаемую пролетарскую солидарность, интересы одной категории рабочих противоположны интересам других рабочих и гармонируют с интересами одной категории хозяев; как случается, что, несмотря на декларируемое международное братство, текущие интересы рабочих данной страны связывают их с местными капиталистами и ставят в борьбу против иностранных рабочих; примером могут служить позиции различных рабочих организаций в вопросе о таможенных тарифах и

добровольное участие рабочих масс в войнах между капиталистическими государствами.

Я не буду пространно приводить многие примеры противоречий интересов между различными категориями производителей и потребителей – из-за недостатка места, а также потому, что мне надоело повторять то, что я уже говорил много раз: антагонизм между занятыми и безработными, между мужчинами и женщинами, между коренными рабочими и пришлыми, между трудящимися, пользующимися общественными услугами, и трудящимися, которые эти услуги выполняют, между теми, кто знает ремесло, и теми, кто хочет его освоить, и так далее и тому подобное.

Здесь я особо напомню об интересе, который имеют рабочие роскошных ремёсел в процветании богатых классов, и об интересе многих категорий трудящихся разных местностей в том, чтобы «торговля» шла, пусть даже в ущерб другим местностям и во вред производству, полезному для масс. А что сказать о тех, кто работает над вещами, вредными для общества и отдельных людей, когда у них нет иного способа заработать на жизнь? Пойдите-ка в обычное время, когда нет веры в близость революции, пойдите убедите рабочих судостроительных верфей, которым грозит безработица, не требовать от правительства постройки нового броненосца! И разрешите, если сможете, средствами профсоюзов и воздав должное всем, конфликт между портовыми грузчиками, у которых нет иного средства обеспечить себе жизнь, кроме монополизации работы в пользу тех, кто уже давно занимается ремеслом, и новоприбывшими, *пришлыми поденщиками*, которые отстаивают своё право на труд и на жизнь!

Всё это и многое другое, что можно было бы сказать, показывает, что рабочее движение само по себе, без брожения революционных идеалов, противостоящих текущим и

сиюминутным интересам рабочих, без критики и толчка со стороны революционеров, вместо того чтобы вести к преобразованию общества на благо всех, стремится разжигать эгоизмы разных категорий рабочих и создавать класс привилегированных рабочих, стоящий над огромной массой обездоленных.

И это объясняет общий факт, что во всех странах рабочие организации по мере того, как они росли и крепли, становились консервативными и реакционными, и что те, кто отдавал рабочему движению свои силы с честными намерениями и имея в виду общество благосостояния и справедливости для всех, обречены на сизифов труд и должны периодически начинать всё сначала.

***

Неверно то, что утверждают синдикалисты: будто рабочая организация сегодняшнего дня послужит организационным каркасом будущего общества и облегчит переход от буржуазного строя к эгалитарному.

Это идея, которая находила сторонников среди членов Первого Интернационала; и, если я не ошибаюсь, в сочинениях Бакунина говорилось также, что новое общество осуществится через вступление всех трудящихся в Секции Интернационала.

Но мне это кажется ошибкой.

Каркас нынешней рабочей организации соответствует сегодняшним условиям экономической жизни, какими они сложились в результате исторической эволюции и капиталистического навязывания. А новое общество не может осуществиться иначе, как разрывая эти каркасы и создавая новые органы, соответствующие новым условиям и новым социальным целям.

Рабочие сегодня объединяются по ремёслам, которые они выполняют, по отраслям, в которых они участвуют,